

ПРОЛОГ

Я выслеживал Адельгейд без малого два года.

После смерти брата она стала осторожнее, покинула долину Рейна и двинулась через море. На пути ее продвижения на север фиксировали вспышки черной чумы. Собирая по крупицам рассказы очевидцев, я упрямо шел по ее следу.

Где бы мне ни доводилось побывать: в городах или маленьких поселениях, всюду люди были охвачены паникой. Они рассказывали о десятках погибших и сошедших с ума. По их словам, несчастные вдруг обращались в одержимых жаждой крови монстров и набрасывались на окружающих. Даже на своих родных. И это безумие распространялось быстро, как зараза.

Ничто не могло остановить одержимых, кроме смерти. Да и та не всегда. Требовалось отрубить голову и похоронить, совершив определенный ритуал, иначе упыри поднимались из земли и продолжали зверства.

Долг обязывал меня помогать несчастным, которые столкнулись с черной чумой. Я не мог двинуться

дальше, пока не избавлял поселение от нашествия кровососов. Выслеживал тварей, убивал и предавал земле. А затем успокаивал людей и давал советы, как жить дальше — мне хотелось вселить в них хоть каплю надежды. И только после, прочтя молитву, пу-скался в путь.

Адельгейд не задерживалась нигде дольше, чем на неделю. Что-то заставляло ее двигаться все дальше на север. Как говорили местные, она направлялась к Источнику — месту, где могла набраться сил. После нашей последней схватки, когда древняя чуть не лишилась головы, ее могущество больше не было безграничным, и даже кровь смертных не помогла восстановиться до конца.

Мы были связаны кровью, и порой я слышал, как бьется ее сердце. В отличие от упырей, в кото-рых она обращала несчастных, пожелавших стать ее слугами, оно у нее все еще билось. Адельгейд знала, что ожидает ее в момент нашей следующей встречи. И потому спешила.

Во Флодберге я почувствовал, что почти нагнал ее. На городской площади творилась суматоха: обращен-ную приковали цепями к телеге, вокруг нее собралась возбужденная толпа. Девчушке было лет десять-две-надцать, она скалилась, угрожая тем, кто рисковал подойти ближе. Ее кожа была бледной и имела серо-ватый оттенок, а глаза блестели, так что взгляд ка-зался безумным.

Такой маленький упырь вряд ли был чем-то поле-зен Адельгейд, поэтому я подумал, что она просто ре-шила позабавиться с бедным дитя.

— Разойдитесь! — приказал я местным. — Ей уже ничем не помочь.

Толпа нехотя отступила. Причиной тому было также оружие в моих руках: такое не носили солдаты, да и выглядел я совсем по-другому — одет не как воин, скорее, как уставший, грязный путник. Люди перешептывались, не отрывая взглядов от моего арбалета.

— Мы слышали о тебе, странник. — Одна из женщин почтительно склонила голову. — Ты тот самый, кто расправляется с тварями?

— Возможно, — отозвался я, склоняясь над бедным ребенком.

— Как тебя зовут? — не отставала женщина.

— Не важно.

Девочка вдруг резко метнулась ко мне — настолько близко, насколько позволяла длина цепи, которой она была прикована к телеге. Она зарычала и яростно заклацала зубами. А затем опустила на колени и... рассмеялась.

Толпа заохала.

— Спаси ее! — Отделившись от толпы, женщина бросилась мне в ноги. Сложила в молитвенном жесте ладони и подняла взгляд к моему лицу. — Умоляю, спаси мою дочь!

Обращенная захохотала еще громче.

— Скажи ей. Скажи! — противно заскрипела она, скаля зубы.

— Обратной дороги нет, — с сожалением сообщил я матери, качнув головой. — Молись за нее.

— Нет! — воскликнула женщина, бросаясь к дочери. — Не дам!

Но люди не дали ей приблизиться к упырю, удержав за руки. Не обращая внимания на ее рыдания, я взвел арбалет, поднял его и прицелился девочке в лоб.

— Тебе не справиться со мной, Брэм! — чужим голосом, усмехнувшись, произнесла она. — Не справиться-я!

— Помилуй нас, Господи, — выдохнул я, выпуская стрелу.

ГЛАВА 1

Пышные похороны не для дхампири. Обычно их хоронят тайно.

Все, что происходит сегодня, — фарс. Представление для местных жителей: для тех, кто пожелает прийти проститься с преподобным. Аккуратная яма в земле, опущенный внутрь блестящий гроб, цветы, речь приглашенного священника — все ненастоящее. Кроме скорби, написанной на лицах тех, кто собрался вокруг.

Асмунда действительно любили, и у него был замечательный приход. Каждый, кто присоединился к церемонии, высказывается о нем тепло и искренне. Но никто не может до конца поверить в произошедшее. Когда комья земли падают на гроб, я зажмуриваю глаза и до боли стискиваю зубы. «Это так несправедливо».

— Нея. — Бьорн подхватывает меня под локоть.

— Все в порядке, — отзываюсь я, бросая на него взгляд. — Просто закружилась голова.

— Скоро все кончится, — шепчет он, прижимая меня к себе.

— Да, — всхлипываю я.

Люди по очереди кладут цветы на могилу. Я вдыхаю запах влаги и прелой земли. Чувствую, как меня начинает знобить, по спине бегут мурашки. Поднимаю голову и наталкиваюсь взглядом на Асвальда. Его глаза не выражают эмоций, в них лишь холод.

Сглотнув, я отворачиваюсь.

Им с Бьорном, наверное, намного хуже, чем мне. Асмунд был частью их жизни, их семьей. Они испытали глубочайший шок от его гибели. Это я сейчас должна поддерживать Бьорна, а не он меня.

— Погода сошла с ума, — вздыхает Анна.

Я коротко киваю и вглядываюсь в лица тех, кто собрался на церковном кладбище. Прихожане разных возрастов и профессий. Жаль, Сары нет, ей пришлось остаться с Ульриком, он еще очень слаб, и, честно говоря, в данный момент мне трудно что-то предполагать о его дальнейшей судьбе. Все мы потеряли близких и просто хотим, чтобы он остался жив. Хотя неизвестно, какую опасность он будет нести в новом обличье, и это то, что беспокоит сейчас Асвальда не меньше, чем зализывающая раны хульдра, которой снова удалось скрыться в лесах Реннвинда.

— Нам всем нужно хорошенько выспаться, — говорит цыганка. — Особенно тебе, Нея. — Она поворачивается к Бьорну. — Позаботься, чтобы она выпила лекарство перед сном.

Он кивает.

Мы все знаем, что она имеет в виду. Теперь без крови Кайи, которая стала для меня спасением, о нормальной жизни можно забыть. Нет, я не жалу-

юсь. Это определенно выход, и я благодарна, что он у меня есть.

— Покойся с миром, — причитает у могилы Асмунда прихожанка.

Дождевые капли стучат по черным зонтам собравшихся, густой туман стелется по земле. Я делаю глубокий вдох, и перед глазами встают образы ночных похорон. Настоящая могила за церковью, под раскидистым дубом. Голова отдельно — лежит в ногах, лицом вниз. Глаза выколоты. Ноги связаны, сердце вырезано и сожжено. На груди ножницы — чтобы он точно не мог подняться из-под земли.

Над могилой вбит кол — еще один уровень защиты.

Мне позволили проститься с Асмундом до того, как его брат провел обряд. Медлить было нельзя: дхампири следует похоронить в день смерти, чтобы он не стал нежитью и не возвратился в мир живых.

Мы не могли тянуть с погребением и провели ритуал в ту же ночь. То, как отличаются настоящие похороны от фальшивых, потрясает, но речи тех, кто пришел проститься с Асмундом, делают вторые не менее значимыми. Уверена, мой отец слышит с того света все хорошие слова.

— Идем. — Бьорн берет меня под локоть.

Я в последний раз бросаю взгляд на могилу, в которой покоится гроб, набитый дровами, и опускаю цветы на землю.

— Мы можем еще раз сходить туда? — спрашиваю я, выпрямляясь.

— Когда все разойдется, — кивает Бьорн.

Я ловлю на себе ледяной взгляд Асвальда. Прихожане приносят ему соболезнования, и всех вол-

нует, конечно, безопасность Реннвинда. Заверив, что зверя, ставшего причиной смерти школьников и пастора, непременно поймают, он идет к церкви, дверь в которую теперь заперта.

Официально — это не место преступления. О том, что Асмунд погиб там, знают лишь несколько сотрудников полиции, для остальных — пастор погиб в лесу, когда на него напал дикий зверь.

— Твой отец теперь ненавидит меня еще больше, — говорю я, когда мы с Бьорном заходим за угол церкви.

— Из-за того, что ты вернула к жизни Ульрика? — Он помогает мне перешагнуть через лужу, поддерживая за руку.

— Из-за того, что обратила его.

Бьорн останавливается и поворачивается ко мне. На его бледном лице вымученная улыбка.

— Что ты говоришь. — Он перекладывает зонт в другую руку и наклоняется к моему лицу. — Было бы лучше позволить Ульрику умереть? Я бы этого не пережил. Его родители тем более. — Бьорн гладит меня по щеке. — И моему отцу пришлось бы нелегко, Нея. Как бы он объяснил эти смерти людям? Оторванная голова и рваные раны у Асмунда, колотые у Ульрика: явно произошло что-то страшное, и не только родители Улле, но и другие жители города захотели бы знать, что именно.

— Значит, Асвальд сказал родителям Ульрика, что тот играл со старинным клинком и случайно поранился? — горько усмехаюсь я.

— Очень, кстати, похоже на Улле, — замечает Бьорн, слегка усмехаясь. — Но, если честно, не знаю. Пока он в больнице под наблюдением семейного

врача Хельвинов. Доктор поколдовал над ранами, я имею в виду медицинские манипуляции, и после операции Ульрик стабилен, но все еще не приходил в сознание. Мой отец, кажется, сказал его родителям, что тот пострадал от нападения хулиганов.

— А как же Арвид? Это ведь его рук дело. Нужно объявить его в розыск!

— Отец планирует сам расправиться с ним, — качает головой Бьорн. — И, думаю, Ульрик, когда очнется и осмыслит произошедшее, будет с ним согласен. Этот упырь держал моего дядю, когда его убивала хульдра, а потом хладнокровно вонзил нож в грудь моего лучшего друга — да я буду в первых рядах тех, кто понесет ему возмездие!

Глаза Бьорна блестят, и мне приходится перехватить его ладонь, чтобы успокоить.

— Теперь Арвид не упырь, а человек, — напоминаю я.

— Который мог уехать из Реннвинда, оставив прошлое позади, но предпочел прийти к Ингрид, чтобы заручиться ее поддержкой и стать ее верным союзником в грядущей войне, — отвечает он жестко.

— Я не оправдываю Арвида, но он просидел полгода в подвале у Асмунда: есть от чего разозлиться и сойти с ума. Полгода, Бьорн!

— Серьезно? — Он вырывает руку.

Его дыхание учащается, глаза наливаются темнотой.

— Послушай. — Я делаю к нему шаг и окунаюсь в тепло его тела. — Не злись, мы просто не поняли друг друга. Я хотела сказать, что у Арвида была причина ненавидеть Хельвинов, но он избрал неверный

путь. Возможно, рассчитывал, что с помощью Ингрид сможет обратиться заново. Микке сказал...

— О. Так это все из-за него? — Бьорн напряженно впивается в меня взглядом. — Из-за этого саама? Решила пожалеть убийцу, потому что мило поболтала с его сыном? И когда вы успели? В тот момент, когда Арвид убивал моего лучшего друга?

Я опускаю голову и выдыхаю. Дождь продолжает стучать по зонту. Слова ничтожны перед тем, что чувствую, — так больно потерять прежнюю жизнь, вновь обретенного отца, пережить предательство и чуть не лишиться друга.

— Прости, — тихо говорит Бьорн. — Прости, Нея. У меня голова кипит от эмоций...

— Нам всем нужно прийти в себя, — вздыхаю я, поднимая взгляд. — Мы пережили ужасное и весь день работали, чтобы скрыть следы. У меня тоже голова идет кругом.

— Ты потратила много сил, а я на тебя накинулся, — с сожалением произносит он. — Эти проблемы с самоконтролем...

— Мы не мило болтали, — поясняю я напряженно. — Эти трое знали про книгу и пришли за ней. Асмунд встал у них на пути и отдал жизнь, чтобы эта реликвия не попала в чужие руки. Микке не хотел уходить без нее, и... и он собирается обрести бессмертие. Так он сказал.

— Хочет стать кровососом? — Глаза Бьорна вспыхивают.

— Хочет заполучить силу и власть, чтобы отомстить, — объясняю я и прикусываю губу.

Его руки сжимаются в кулаки.

— Он знает, что ему придется умереть для этого? Только так Ингрид сможет поднять его из земли вампиром. Знает, что он будет стригоем — упырем с ничтожными остатками разума, полностью подчиненным своей хозяйке? Да и то в случае, если ему передались способности магов его рода! Если нет — его ждет глупая, напрасная смерть.

— Я видела его, когда он говорил это, — признаюсь я. — Микке не остановится ни перед чем. В той книге ключ к воскрешению ламии. Думаю, он и его отец надеются, что она обратит их.

— Тогда им придется дать клятву тьме, а эта участь не лучше участи бесправного прислужника. Вампирша сможет манипулировать их сознанием, как захочет.

— Книга не должна попасть им в руки.

— И я не допущу этого, — решительно говорит Бьорн.

Кивнув, прижимаюсь щекой к его груди. Обнимаю его крепко и тихо всхлипываю, с трудом удерживаясь, чтобы не разрыдаться.

— Мне нравится, — слышится сквозь шум дождя голос Бьорна. — Нравятся эти штуки в твоих волосах. Серые пряди. — Он гладит меня по спине, забывая боль, успокаивая. — Но больше не надо никого оживлять, ладно? Я не хочу потерять тебя.

Отрываюсь от него и смотрю ему в лицо.

— Мне так страшно за Улле, — шепотом признаюсь я.

— С ним все будет хорошо, — обещает Бьорн, целуя меня в лоб. — Уверен, этот парень еще будет хвастаться своим шрамом в раздевалке. И расскажет

с десяток бак, как всыпал перца напавшим на него негодяям.

— А если он не сможет контролировать себя? Обратится на людях? Или в один прекрасный день почувствует тягу убивать, завоюет на луну и перекусит парочкой местных жителей? Тогда твой отец застрелит его без сожаления?

— Он не такой. Мой отец. Заверяю тебя, он не бесчувственный. Конечно, он будет сожалеть, — говорит Бьорн серьезно.

— Дурак. — Я пихаю его и тут же притягиваю ближе.

— Уверен, мы справимся, каковы бы ни были последствия обращения.

— Ульрик был человеком, — напоминаю я.

— Научим его охотиться на зайцев или белок, — хмыкает Бьорн.

— Ты не исправим.

Мы застываем посреди кладбища, не в силах разомкнуть объятий. И я держусь за него, как за единственное реальное, что осталось в моей жизни. И все произошедшее вчера кажется сном, но стоит закрыть глаза, как начинаю задыхаться, видя устремленный на меня безжизненный взгляд Асмунда.

Мы останавливаемся у могилы моего отца. Свежая земля блестит, напитываясь дождевой водой. Влага пузырится, заполняя все неровности и превращая поверхность могилы в мягкую грязь. Глядя на нее, я вижу Асмунда, лежащего под толщей влажной земли, и снова прокручиваю в голове воспоминания, как Асвальд укладывал его в гроб: он не пророчил ни слезинки, не сказал ни слова.